

МОТИВ МЕЧТЫ В «РАССКАЗЕ НЕИЗВЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА» А.П. ЧЕХОВА: ДИАЛОГ С РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Парфенов А.И.¹

¹ ФГБОУВПО «Литературный институт имени А.М. Горького», Москва, Россия (123104, г. Москва, Тверской бульв., д. 25), e-mail: rectorat@litinstitut.ru

В статье анализируется повесть А.П. Чехова «Рассказ неизвестного человека» (1893). На примере мотива мечты прослеживается связь этого произведения с романтической традицией. Мечты в литературе русского романтизма мыслились как сложное явление, имеющее отрицательные и положительные моменты – подобный подход характерен и для повести Чехова. Если грезы главного героя выступают как начало, связанное со стремлением к жизни и людям, то мечты главной героини, Зинаиды Федоровны, прописываются как явление негативное, предполагающее, прежде всего, поглощенность собой и невнимание к другим. По сравнению с романтической литературой Чехов значительно расширяет трактовку грез, раскрывает традиционный мотив в сложном философском контексте. В «Рассказе неизвестного человека» формируется оригинальный художественный язык, связанный как с русской классической традицией, так и предвосхищающий практики Серебряного века.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Рассказ неизвестного человека», романтизм, мечты.

MOTIVE OF THE DREAM IN «AN ANONYMOUS STORY» by A.P. CHEKHOV: DIALIGUE WITH ROMANTIC TRADITION

Parfenov A.I.¹

¹The Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia (123104, Moscow, Tverskoy Boulevard St., 25), e-mail: rectorat@litinstitut.ru

The article is devoted to the narrative «An anonymous story» by A.P. Chekhov. By the example of the dream's motive the relationship of this work with romantic tradition is traced. Dreams in Russian romantic literature were considered by contemporary authors as a complicated phenomenon, contained in itself negative and positive aspects – and such approach is peculiar to Chekhov too. If main character's dreams is connected with aspiration for life and peoples, reveries of another main character, Zinaida Fedorovna, is worked out as an appearance of negative, in the first place correlating with selfishness and disdain for another humans. In comparison with romantic literature Chekhov greatly widened the dream's treatment and developed the traditional motive into complicated philosophical problem. In «An anonymous story» is formed original artistic style, connected with Russian classical tradition and at the same time anticipating some practices of the so called Russian Silver Age.

Keywords: A.P. Chekhov, «An anonymous story», Romanticism, dreams.

«Рассказ неизвестного человека» (1893) до сих пор является сравнительно малоисследованным произведением Чехова. По крайней мере, ему посвящено значительно меньше научных работ, чем другим повестям 1892-1895 гг., таким как «Черный монах» или «Три года». Между тем сложившаяся ситуация не является объективной; по своему значению эта повесть не уступает прочим произведениям первой половины девяностых годов. Помимо яркого материала к проблеме о «возбуждении» и «утомлении» чеховского героя» [3, с. 86-87], «Рассказ неизвестного человека» может рассматриваться и как чрезвычайно показательный в связи с вопросом о романтической традиции в творчестве Чехова.

Тесная связь «Рассказа неизвестного человека» с предшествующей литературой акцентируется в большинстве исследований, посвященных повести или сколько-нибудь подробно описывающих ее в ряде других произведений. Так, Н.Я. Берковский отмечает соотнесенность сюжета с «Анной Карениной» Л.Н. Толстого [1, с. 65-66], а М.Л. Семанова акцентирует роль «тургеневских аллюзий» в структуре произведения [9]. Подобный метод характерен и для новейших исследований, авторы которых соотносят повесть Чехова с «Евгением Онегиным» Пушкина [4], с романами Тургенева и Достоевского [6].

На наш взгляд, сложившийся подход может быть продуктивно дополнен; представляется целесообразным рассмотреть повесть Чехова не только в ее связи с конкретными авторами, но и с целым литературным направлением – русским романтизмом. Тема мечтаний, заявленная уже на первых страницах «Рассказа...» и многократно повторяющаяся впоследствии, позволяет предположить связь именно с романтической поэтикой, центральный конфликт которой часто определяется как противоречие между «мечтой и действительность» [5, с. 6]. Рассмотреть роль «мотива мечтаний» в тексте повести и установить специфику обращения Чехова к романтической традиции является задачей настоящей статьи.

Прежде чем перейти непосредственно к «Рассказу неизвестного человека», целесообразно отметить некоторые моменты, связанные с тематикой мечтаний в русской романтической литературе.

В качестве яркого примера укажем на рассказы Н.А. Полевого из цикла «Мечты и жизнь» (1833-1834). Мечты для его героев, безусловно, положительное начало, максимальное проявление личности. Однако отношения личности и окружающей реальности мыслятся трагически: в большинстве случаев мечты принципиально и неразрешимо противостоят существующему порядку вещей, «жизни». Эмма в одноименном рассказе (1834) так описывает предмет своей воображаемой любви: «Мое привидение такое воздушное, что я дышу им, и если бы надобно мне было говорить с ним, я называла бы его *я*, а себя *ты!* Он жил бы моею жизнью – он умер бы, когда не видал бы меня с собою...» [8, с. 290]. Последующая трагическая влюбленность Эммы в молодого князя иллюстрирует не только ирреальность такого абсолютного чувства (о чем знает, впрочем, сама героиня), но и невозможность более простых, «земных» отношений. Противоречие между «мечтой и существенностью» оказывается абсолютным; смерть Эммы в финале выражает это принципиальное несовпадение. Антиох в «Блаженстве безумия» и Аркадий в «Живописце» (оба – 1833) претерпевают схожие коллизии: ни мистическая влюбленность первого, ни реалистические – при всей интенсивности и максимализме – переживания второго не могут воплотиться в жизнь. Противоречие между мечтой и действительностью опять

абсолютизируется – и Антиох, и Аркадий умирают. Схожий подход к теме демонстрирует и М.П. Погодин в повести «Адель» (1830): развернутым мечтам Дмитрия о счастье не суждено сбыться – его возлюбленная смертельно заболевает, и главный герой оказывается не способным жить без нее. Важно отметить, однако, что развернутые мечтания Дмитрия во многом вполне осуществимы (в отличие, скажем, от иррациональных переживаний Антиоха в «Блаженстве безумия») – это и путешествие со своей возлюбленной, и жизнь в деревне «на берегу Волги» [7, с. 273].

Интересную (и особенно важную для нас) трансформацию переживает тема мечтаний в «постромантической» литературе. Так, в «Невском проспекте» Гоголя (1835) значительную роль играют мечты-сновидения Пискарева: по сути, именно они приводят к тому, что герой начинает принимать опий и отдается «странным мыслям» [2, с. 25] о женитьбе на проститутке. Показательно, что «мотив мечтаний» вводится Гоголем через описание сновидений: акцент падает не на свободную активность личности, но на вторжение некоторого внешнего, едва ли не стихийного начала. Прием героем опия и его смерть (не столько трагическая, сколько просто страшная: Пискарев неудачно перерезал себе горло и умер в мучениях) закрепляют отрицательную трактовку темы. Схожая ситуация представлена и в «Дурочке» Полевого (1839): мечты Антонина об идеальной любви, осуществившись, приводят лишь к подчеркнуто-филистерскому существованию, в то время как Дурочка, героиня, испытывавшая действительно глубокие чувства, кончает с собой. В обоих случаях мечты рассматриваются не просто как трагически-возвышенное начало, но как начало сомнительное по своей сути, более того, как явление разрушительное, «деструктивное».

Из приведенных выше примеров видно, что романтическая и близкая к ней литература трактует мечты двояко – и как в целом идеальную, возвышенную способность личности, и как явление неоднозначное, даже негативное. На наш взгляд, в художественном строе «Рассказа неизвестного человека» получили сложное преломление эти две существующие в отечественном контексте тенденции.

Как уже упоминалось выше, в повести Чехова мотив мечтаний возникает очень рано, по сути, в четвертом абзаце. С самого начала мотив этот оформляется как совмещающий в себе противоположные, положительные и отрицательные, начала. С одной стороны, главный герой мечтает именно в то время, когда, вместе с горничной Полей, «дежурит» за завтраком Орлова: «смешная и дикая» ситуация благодаря мечтаниям гармонизируется, персонаж не видит в ней «ничего унижительного» [10, с. 195]. С другой стороны, мечты связываются с начинающейся у героя чахоткой: «Не знаю, под влиянием ли болезни ... мною изо дня в день овладевала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни. Мне

хотелось душевного покоя, здоровья, хорошего воздуха, сытости» [10, с. 195]. Казалось бы, процитированное место дает все основания увидеть в характере «Неизвестного», как это делает в частности Н.Я. Берковский [1, с. 65], лишь стремление к бытовому благополучию, личному счастью; в лучшем случае только пародия на мечты романтиков. Важно все же отметить, что «жажда обыкновенной жизни» характеризуется такими показательными эпитетами, как «страстная» и «раздражающая»: жизнь, к которой стремится персонаж, возможно, и «обыкновенная», однако само стремление к ней изображается как интенсивное, динамическое начало, то есть едва ли как нечто полностью «обывательское». Это тем более верно, что далее мечты разворачиваются в более сложном – не столь прагматичном – спектре. Так, персонаж сам не знает, что именно является его целью: он представляет себя и монахом, и помещиком, и ученым (то есть человеком и интеллектуальным, и, возможно, практического труда); возникают упоминания экзотических реалий – тропического леса, Бенгальского залива. Особенно показателен следующий, заключительный, пассаж: «Мне снились горы, женщины, музыка, и с любопытством, как мальчик, я всматривался в лица, вслушивался в голоса» [10, с. 195]. Здесь вполне можно говорить о поданном на крошечном текстуальном пространстве целом ряде романтических мотивов. Это и еще одна отсылка к грезам («мне снились» – ср. выше: «мне грезилось море»), и экзотический, характерный для романтизма ландшафт («горы»), и упоминание музыки, и тематика детства («как мальчик»), предполагающая сложность и таинственность мира, и – одновременно – возможность реализации в нем. Сама густота романтических аллюзий играет сложную роль. Эти образы – едва ли не набор общих мест – подаются все же в лирическом ключе, очень сжато и вместе с тем просто: они предполагают не только «вторичность» эмоционального мира, но – при некоторой наивности – искренность и непосредственность.

Таким образом, мечты «Неизвестного» лишь в незначительной мере связаны со стремлением к покою и бытовому комфорту; скорее, речь идет о своеобразной открытости героя навстречу реальности в ее множественности и эстетической полноте, что особенно показательно по сравнению с «делом», которое, как можно предположить, раньше полностью владело сознанием персонажа. Намечается своего рода «децентрализация» – от поглощенности идеей (народническая деятельность) герой переходит к представлению о непрозрачности и даже определенном иррационализме жизни [3, с. 50]. Романтические мотивы (в том числе и сам мотив мечтаний) акцентируют одновременно и значимость подобного перехода, и несводимость реальности к быту и прагматизму.

Далее в тексте мотив мечтаний соотносится не столько с «Неизвестным», сколько с Зинаидой Федоровной. Тема – при всем видимом сходстве – разрабатывается теперь иначе.

В диалоге Зинаиды Федоровны с Орловым (VI гл.) характерна реплика героини «...вы хотите сказать, что счастливые люди живут воображением? Да, это правда. Я люблю по вечерам сидеть в вашем кабинете и уноситься мыслями далеко, далеко... Приятно бывает помечтать. Давайте, Жорж, мечтать вслух!» [10, с. 221]. Мечты Зинаиды Федоровны контрастируют с позицией собеседника: на вопрос героини об отказе от службы Орлов отвечает, что отнюдь не собирается этого делать. Показателен здесь сам характер мечтаний, сводящийся к наивному желанию навязать другому свое мнение о нем (так, Зинаида Федоровна без каких-либо реальных оснований видит в Орлове «идейного человека» [10, с. 222]). С этих позиций можно рассмотреть и хронологически более ранние высказывания, не маркированные в тексте такими словами, как «мечты» или «грезы» (и производные от них), но тематические связанные с этой же линией. «Нет выше блага, как свобода!», - произносит Зинаида Федоровна в день переезда к Орлову и далее говорит о «новой квартире, об обоях, лошадях, о путешествии в Швейцарию и Италию [10, с. 210]. «Мечты» здесь выстраиваются как конкретные, прагматичные устремления и – что касается общих суждений – как плоско-дидактические цитации. Показательно, что после слов о свободе идет скептическое замечание рассказчика («говорила она, заставляя себя сказать что-либо серьезное и значительное»), а сам разрыв Зинаиды Федоровны с мужем – продиктованный все теми же соображениями свободы – описывается с отчетливыми ироническими интонациями: «она погналась за ним (*за мужем – А.П.*), как кошка за мышью <...> Из ее дальнейшего рассказа я узнал, что муж ответил ей попреками, угрозами и в конце концов слезами, и вернее было бы сказать, что не она, а он выдержал баталию» [10, с. 208].

Если сравнить мотив мечтаний в его отношении к «Неизвестному» и к героине, становится заметна определенная – в нашем понимании, принципиальная – закономерность. «Мечты» обоих имеют ряд общих черт (неразделенность окружающими, бытовая конкретика), однако в случае Зинаиды Федоровны они все же ощутимо рациональней и дидактичней, почти всегда оттеняются иронией и вообще функционируют в художественной структуре как определенно сомнительное начало. Не будет большим преувеличением сказать, что именно Зинаида Федоровна стремится к личному счастью, оставаясь при этом невнимательной к другим людям; той широты и универсальности, которая – при всех осложняющих моментах – характеризует мечты «Неизвестного», в грезах героини совершенно нет.

Отличие рассказчика от Зинаиды Федоровны усиливается после их отъезда из Петербурга. Тема развивается в «европейской» части произведения.

С нашей точки зрения, очень важен пассаж, когда герои только съезжают из квартиры Орлова. «И почему-то, когда я ... выглянул из-под верха и увидел рассвет, все образы

прошлого, все туманные мысли вдруг слились у меня в одну ясную, крепкую мысль: я и Зинаида Федоровна погибли уже безвозвратно. Это была уверенность, как будто синее холодное небо содержало в себе пророчество, но через мгновение я думал уже о другом и верил в другое» [10, с. 254]. Примечательно здесь совмещение «веры» (понятия, в контексте повести связанного с мечтами) и трагического знания – тем более весомого, что оно будет подтверждено последующим сюжетом. Акцент падает на неспособность «знания» отменить «веру», которая понимается, таким образом, как органически присущая человеческой природе, а не просто связанная с наивностью или самообманом. Интересную параллель к приведенному месту составляют слова «Неизвестного» о его отношении к Зинаиде Федоровне: «В моем скромном, тихом чувстве, похожем на обыкновенную привязанность, не было ни ревности к Орлову, ни даже зависти, так как я понимал, что личное счастье для такого калеки, как я, возможно только в мечтах» [10, с. 226]. «Мечты» вновь фигурируют в связи со «знанием»: опять оба начала как бы уравниваются, существуют совместно. Приведенные пассажи дают и еще один критерий разграничения мечтаний «Неизвестного» и главной героини – сплав мечтательного и объективного начал характерен именно для первого, но не для второй. В заключение отметим инверсию – очень существенную – романтической парадигмы: любовь изображается не как страстная и самодовлеющая стихия, но как несравнимо более спокойное чувство.

В XV главке разрабатывается и усложняется мотив мечтаний в его отношении к «Неизвестному». «Хорошо быть художником, поэтом, драматургом, думал я, но если это недоступно для меня, то хотя бы удариться в мистицизм!» [10, с. 258]. Характерная широта устремлений оттеняется выраженным ироническим тоном («удариться в мистицизм»), тем самым вновь отсылая к отмеченной выше связке грез и объективного знания.

Мотив мечтаний закрепляется несколько далее в этой же главке. «...Я – верный, преданный друг, мечтатель и, если угодно, лишний человек, неудачник, не способный уже ни на что, как только кашлять и мечтать...» [10, с. 259]. Критическое отношение рассказчика к попытке оценить самого себя через обращение к тому или другому литературному образу («мечтатель и, если угодно, лишний человек») намекает на большую сложность его личности, несводимость ее к тому или иному общепринятому определению. В этой перспективе и склонность к «жизни воображением» еще раз акцентируется как сложное явление, не имеющее однозначно выраженной негативной трактовки, как, например, указание на потерянность или несостоятельность.

«Мечты» Зинаиды Федоровны сохраняют прежний характер – героиня стремится объяснить жизнь и окружающих людей схематически. Как ранее Орлова, так теперь и Владимира Ивановича, «Неизвестного», она оценивает предвзято: «Вы принадлежите к

особенному разряду людей, которых нельзя мерить на обыкновенный аршин» [10, с. 260]. Точно так же умозрительно, как раньше, формулируются и нравственные приоритеты: «Все эти любви только туманят совесть и сбивают с толку. Смысл жизни только в одном – в борьбе. ... В этом одном, или же вовсе нет смысла» [10, с. 260].

Несовпадение «мечтаний» рассказчика и Зинаиды Федоровны драматически раскрывается в возникшем напряжении между ними. Когда героиня понимает, что «Неизвестный» сам больше не верит в народническую программу, то истолковывает его цели опять-таки схематически, явно упрощенно: «Все эти ваши прекрасные идеи, я вижу, сводятся к одному неизбежному, необходимому шагу: я должна сделаться вашей любовницей» [10, с. 266]. Можно предположить, что именно эта разочарованность (причем разочарованность во многом мнимая) и подталкивает Зинаиду Федоровну к самоубийству. «Мечты», поданные в этом случае как отвлеченное умозрение, оказываются – совершенно в духе позднего романтизма – разрушительным, деструктивным явлением.

Другую акцентировку в финале повести получают грезы рассказчика. Мечты «Неизвестного» связываются с дочерью Зинаиды Федоровны: идея героя о «самоотверженной любви к ближнему» [10, с. 267] реализуется в заботе о чужом ребенке. Два плана – идеальный и обывательский, – с самого начала присутствующие в его грезах, здесь как бы сливаются воедино. Хотя чувство Владимира Ивановича к Соне характеризуется как «идолопоклонническое» (указание на болезненность и гипертрофированность), оно все же может считаться положительным моментом в эволюции персонажа. Таким образом, мечты «Неизвестного» прописываются именно как ценностное начало, значительно сниженное, однако, по сравнению с произведениями романтиков, у которых любовь к ребенку никогда не становится сколько-нибудь значимой и самостоятельной темой.

Романтический «культ грез» претерпевает в «Рассказе неизвестного человека» специфическое развитие: мечты разрабатываются одновременно и в положительных, и отрицательных планах. Расширяется само понимание грез – в их качестве выступают не только максималистские устремления, но и тяга к бытовому комфорту, и отвлеченно-умозрительные суждения. Важно отметить, что «положительный» план – линия Владимира Ивановича – подается не в чистом виде, но с рядом осложняющих моментов (бытовое снижение, угроза риторике, болезненность, неумеренная аффектация): грань между положительным и отрицательным полюсом очень тонка и подвижна. По сути, в повести диалектически исследуются два типа «мечтаний» и – шире – ментальной активности как таковой: умозрительный, связанный с утверждением конкретной цели и «поглощенностью своей правдой» (В.Б. Катаев), и динамический, соотносящийся с поиском, открытостью

человека миру и другим людям. Широта художественного задания в данном случае предполагает и универсальность метода, соединяющего лирическую приподнятость с развитым аналитическим началом. Иными словами, Чехов в рамках сложного целого восстанавливает и переосмысляет элементы романтической поэтики, подводя тем самым итог русской классической литературе и одновременно предвосхищая практики Серебряного века, тесно связанные с наследием романтизма.

Список литературы

1. Берковский Н.Я. Литература и театр. - М. : Искусство, 1969. - С. 65-66.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в восьми томах. - М. : Правда, 1984. - Т. 3. - С. 25.
3. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблема интерпретации. - М. : Изд-во МГУЮ, 1979. - С. 50, 86-87.
4. Литовченко М.В. Повесть А.П. Чехова «Рассказ неизвестного человека»: диалог с «онегинским» сюжетом // Вестник ТГПУ. - 2012. - № 3 (118).
5. Маймин Е.А. О русском романтизме. - М. : Просвещение, 1975. - С. 6.
6. Нымм Е.Ю. Восприятие литературных текстов героями «Рассказа неизвестного человека» А.П. Чехова // Юрьевские чтения : материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. Выпуск 1. - URL: http://www.sovmu.spbu.ru/main/sno/uc/uc_20.pdf (дата обращения: 20.02.14).
7. Погодин М.П. Повести. Драма. - М. : Сов. Россия, 1984. - С. 273.
8. Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. - Л. : Художественная литература, 1986. - С. 290.
9. Семанова М.Л. «Рассказ неизвестного человека» А.П. Чехова (К вопросу о тургеневских традициях в творчестве Чехова) // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та. Кафедра русской литературы. – 1958. - Т. 170.
10. Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. - М. : Художественная литература, 1962. - Т. 7. - С. 195-269.

Рецензенты:

Минералова И.Г., д.ф.н., профессор кафедры русской литературы и журналистики XX-XXI веков Московского педагогического государственного университета, г. Москва.

Завгородняя Г.Ю., д.ф.н., профессор кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького, г. Москва.